

Александр КАРПОВ

По дороге на небеса

Стихотворения
и графика

Барнаул – 2008

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
К-265

Книжная серия «Городская библиотека»

Автор и руководитель проекта -
Владимир Борисович Свинцов.

А. А. Карпов

К-265 По дороге на небеса: стихотворения и графика,
Барнаул, 2008 г., 56 стр.

© Карпов А. А., стихотворения
и графика.

ПОЮЩИЙ ПОЭТ

Александр Карпов названий своим стихотворениям, большинство из которых являются ещё и песнями (в его же исполнении под гитару), не даёт. Что это: лень, скупость, концепция?.. Решайте сами. Можете спросить у автора. А надо ли?.. Главное – у него есть талантливая состоятельность (прошедшая серьёзное испытание Временем), причём в творческой взаимосвязи: в живописи, графике и фотографии – он поэт, в поэзии – живописен, графичен и фотографичен.

Пожалуй, наиболее точное определение его ипостаси – поющий поэт. Ему открываются порядок и форма сложения слов именно в таком – желаемом, замечательном – виде, который и подтверждает самобытность, одарённость автора.

Александр Карпов сюжетности в стихах не враг, но и не друг. Сюжет для него – фон, случайность, а на первом плане линии характеров и краски чувств лирических героев, портреты – образы – которых пластичны и в звуках, что подтверждает языковую одарённость автора, а не просто способность здраво рассуждать в рифму с заданным ритмом и эффектным смысловым завершением. Его стихотворения то выхвачены из жизни, то выведены из воображения, то перенесены из снов... В этой поэтической «недисциплинированности» – раскованность автора, его откровенность перед читателем.

Постоянно расширяется круг его читателей, а также зрителей и слушателей, многие из которых давно являются посетителями его персональных художественных выставок и фотовыставок, слушателями его песен – в узком кругу и на творческих вечерах, в аудио-записях и радиоэфире...

Дорогой читатель, возьми эту книгу с собой в дорогу – на счастье.

Валерий ТИХОНОВ.

Душа моя спала
уже который год.
Обычные дела,
привычный хоровод
давно известных тем –
порочно их число,
а время между тем
неумолимо шло.

И тикали часы,
запястье обхватив,
и в капельках росы
дробился их мотив
на множество “тик-так”,
которым нет числа...
Но что-то тут не так –
душа моя спала.

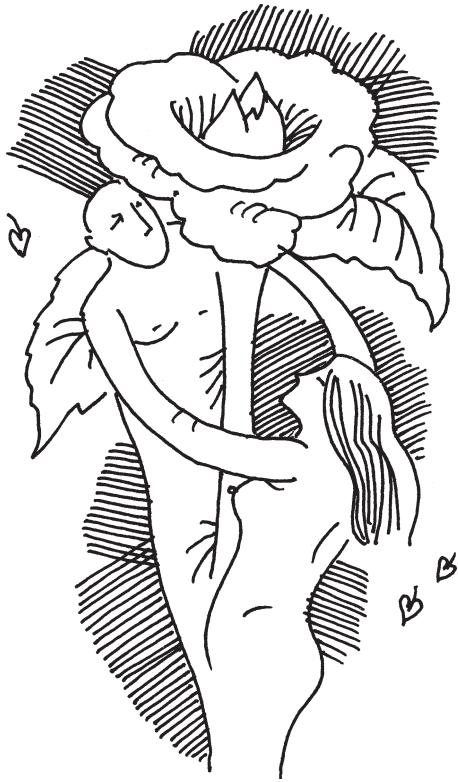
Ей снился странный сон...

Это жизни моей фрагмент –
тонкий срез на исходе дня,
кадр какой-то из давних лент,
где почти не найти меня,
только тень позабытых лет,
краткий отблеск ночных зарниц
и едва уловимый след
пролетевших когда-то птиц...

Это будет ещё не раз,
будто снова учу урок
из набора дежурных фраз
и, конечно, опять не впрок.
А на Млечном пути огни
мне никак не дают уснуть –
всё куда-то зовут они,
и ложится под ноги путь.

Не живу, а мучаюсь –
на душе сомнение,
по такому случаю
будет угощение:
чай заварим с мятой,
мёд достанем липовый
и судьбу проклятую
просто за борт выкинем!..

Прими меня как дар весенний,
не погружаясь в долгий транс.
Ведь я-то вижу: без сомнений,
ты для меня – последний шанс
попасть в особое пространство,
где места хватит лишь двоим,
где хаос в ранге постоянства
и без огня бывает дым,
а сам огонь кровавой розой
цветёт меж рёбер и аорт,
где я стихами, а не прозой
украшу древней лодки борт.
Пойми: мне надо оказаться
одним из странных тех людей,
которым сладостно метаться
в плену навязчивых идей,
когда дают ребенку спички
или срывают с вены жгут...
А люди это по привычке
опять любовью назовут.

К нам вчера ворвалась зима,
запыхавшаяся от бега!
Я, наверно, сойду с ума
от такого объёма снега.

Я, наверно, улягусь спать,
чтобы так пережить метели,
буду лапу во сне сосать,
ожидая апрель с капелью.

Вам смешно, ну а мне – каюк,
не люблю это время года.
Вот рвануть бы сейчас на юг,
где в порядке всегда погода,

окунуться в морской прибой
и лежать на песке горячем,
наблюдая, как надо мной
в небе мячиком солнце скачет!..

Это сон, ну а в яви – снег,
Богом посланный нам как данность.
Я хочу совершить побег,
но, скорее всего, останусь...

Просто нету ни слов, ни сил.
От зимы никуда не деться,
даже если б я попросил.
И от снега не купишь средства.

Что ж, прощайте! И – до весны.
Здесь теперь не живёт веселье.
Ухожу в белый свет и сны,
а вернусь по весне... С капелью.

Я сюда никогда не вернусь
ни смеяться, ни плакать, ни петь.
Белым лебедем кружится грусть
и не может никак улететь.

А в пространстве пустынных дворов
бродит эхо, пугая собак.
Я, наверно, не слишком здоров,
если сделал всё именно так.

Просто вышел из дома и вот
вдруг решил, что в дорогу пора.
Мне крылом помахал самолёт
и позволил пройти чёрный кот –
это добрые знаки с утра.

А потом по асфальту прошёл
тёплый дождь и позвал за собой.
Понял я – будет всё хорошо,
и не стал возвращаться домой.

И не стал сожалеть о былом,
о несбывшихся снах горевать,
пусть отныне – дорога мой дом
и по ней мне шагать да шагать.

Пусть с погодой что-то не так:
ветер странствий трясёт провода.
Бродит эхо, пугая собак...
Я сюда не вернусь никогда.

Я в ночь войду
 чуть терпкую на вкус,
где ветер фонари качает рьяно,
сквозь диск луны,
 зелёной, как арбуз,
а выйду на картине Левитана.

Замру на миг
 у края тишины...
Вдохну покой, он –
 высшая награда.
И снова в ночь,
 где ветер,
 диск луны
да фонари.
 Мне большего не надо.

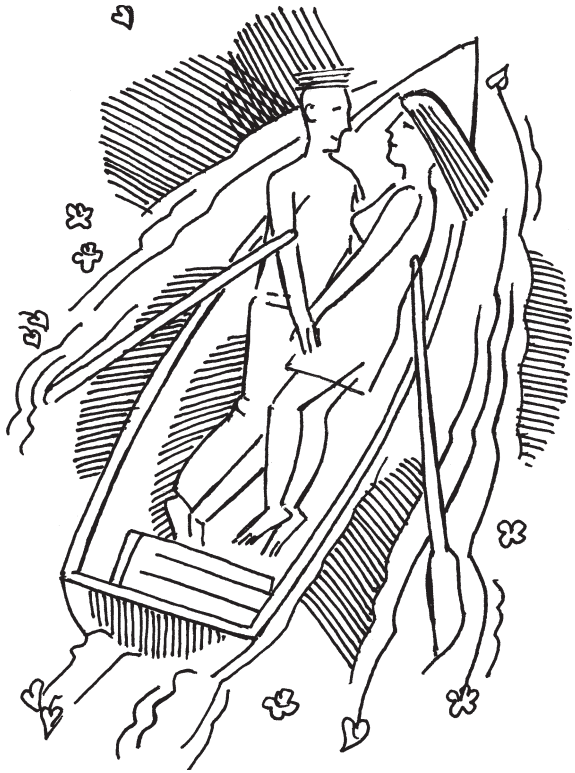

Смотрите: там ангел играет в футбол
меж небом и твердью. Ударил и – гол.
Ворота одни и один футболист,
а воздух вокруг и прозрачен и чист.

И мячик его словно огненный шар –
летающий в пространстве безмолвный пожар,
меж небом и твердью творящий тепло...
И всё бы в порядке, да только стекло

звенит и осколки срываются вниз,
а звон как хрустальная нота повис...
И кто-то сурово глядит из окна.
Мгновенье, другое – и вновь тишина.

Всё тьмою объято. Лишь звёзды горят,
они меж собой о любви говорят.
А где-то в чулане, строптив и горяч,
затих до утра непоседливый мяч.

А когда наступит лето,
мы с тобою сядем в лодку
и, смеясь от наслажденья,
по теченью будем плыть,
и по радиоприёмнику
погоды слушать сводку,
и на полную катушку
этот летний мир любить.

Друг на друга мы наденем
из кувшинок ожерелья,
в тёплых заводях купаться
будем только нагишом...
И потом, когда устанем
от купанья и безделья,
под густой пахучей елью
мы себе построим дом.

А когда наступит старость,
мы на креслица присядем
и, кряхтя от напряженья,
будем тихо говорить.
И, надеюсь, что уж вместе
со склерозом злобным сладим,
чтобы помнить, что должны мы
этот вечный мир любить.

Однажды усну на рассвете,
закончив свой каторжный труд,
и сразу же малые дети
куда-то меня поведут.

Они будут петь и смеяться,
кричать, голосами звеня.
Пойму я: не надо бояться –
здесь вряд ли обидят меня.

Мы к озеру выйдем и просто
пойдём по прозрачной воде,
вдали вдруг откроется остров,
подобный хрустальной звезде.

А дети, звеня голосами,
исчезнут... И вот я один,
стою, замерев, пред вратами
в пространство вселенских глубин.

Я точно откуда-то знаю,
что там меня любят и ждут
и если сейчас пожелаю,
то эти врата отопрут

и впускают... Но что-то такое
никак не даёт мне желать,
а значит, не будет покоя
и не снизойдёт благодать.

Земные дела и заботы
никак не хотят отпустить,
и воз непомерной работы
придётся тащить и тащить...

Однажды проснусь на рассвете
в привычный домашний уют,
а там, за окном, – то ли ветер,
то ль малые дети поют.

Когда прольются все дожди
и солнце выйдет из-за тучи,
вернусь домой, ты только жди,
надейся на судьбу и случай.

Пеки мне с сыром пироги
и чай заваривай зелёный,
встав утром с правильной ноги,
ты думай обо мне влюблённо.

Храни семейный наш очаг
от вражеских поползновений,
огонь в нём чтобы не зачах –
клади поболее поленьев.

Стирай почаще половик,
что много лет лежит у входа,
чтоб я лицом к нему приник,
вернувшись всё же из похода.

А я вернусь, ты только жди, –
мужчина должен возвращаться.
Порой неумные вожди
нас заставляют ошибаться,

ведут в ненужные бои,
влекут несбыточной надеждой...
Пусть нежные глаза твои
меня спасают, как и прежде,

от липкой тины забытья,
от боли разочарований...
С тобой пустая жизнь моя
себе добудет оправданий.

А я, устав от суеты,
замру коленопреклонённый,
ведь счастье – если рядом ты,
и пироги, и чай зелёный.

Через двадцать восемь дней
мы закроем двери в лето –
через двадцать восемь дней
жёлтым светом сентября
озарится всё вокруг..
Я когда представил это,
то подумал: всё, что было,
может, всё же было зря?

Потому что не смогли
удержать мы колесницу,
на которой едет лето
и куда-то нас везёт.
Очень уж хотелось нам
отдыхать и веселиться
и смотреть, как крутит в небе
пируэты самолёт.

Ароматы диких трав
нас заставили забытья,
каждый день вмещал событий,
словно это целый год.
Нам казалось: летний сон
будет бесконечно длиться,
но проходит всё –
и лето обязательно пройдёт.

Потому что не смогли
удержать мы колесницу,
на которой едет лето
и куда-то нас везёт.
Очень уж хотелось нам
отдыхать и веселиться
и смотреть, как крутит в небе
пируэты самолёт.

Через двадцать восемь дней
будет всё не так, как прежде.
Через двадцать восемь дней
ветром грусти и разлук
над землёю понесёт
наши тщетные надежды,
что, быть может, мы сумеем
разорвать порочный круг.

Не сумели, не смогли
удержать мы колесницу,
на которой едет лето
и куда-то нас везёт.
Очень уж хотелось нам
отдыхать и веселиться
и смотреть, как крутит в небе
пируэты самолёт...

Когда ты ушла,
 понял я,
 что остался один.

Когда ты ушла,
 понял я,
 что настала зима.

И выживу если среди снегом укрытых равнин,
то лишь потому, что узнаю,
 как сходят с ума.

Когда ты ушла,
 онемела от боли душа.
Ни крика, ни вздоха –
 как брошенный птицами сад.
Мгновенье назад жизнь была ещё так хороша
и в ад превратилась
 всего лишь мгновенье назад.

Ещё понял я,
 что и жизнь мне уже ни к чему,
она бесполезна,
 когда в ней отсутствует свет,
а быть погружённым всегда в непроглядную тьму –
печальней и горестней участи,
 думаю, нет.

Когда ты ушла...

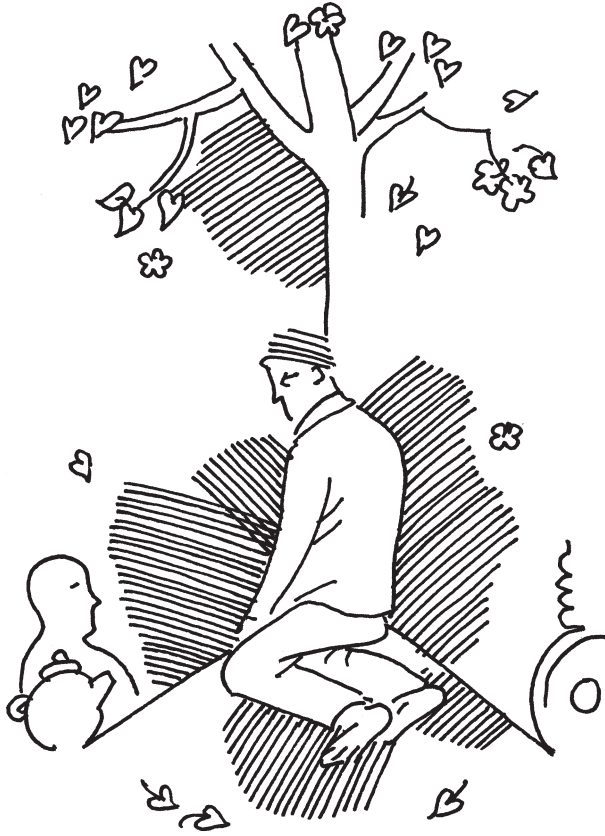
Между завтра и вчера
годы ветреные мчатся.
Жизнь – весёлая игра,
если знать, когда смеяться.
Если верить в доброту
и тепло твоих ладоней,
то плевать на суету
и на тех, кто вечно стонет.

Между завтра и вчера –
чистота как избавленье.
Солнце выглянет с утра –
разве это не везенье?
Облетают лепестки...
Каждый дышит как умеет...
Обойдёмся без тоски,
если нас любовь согреет.

Между завтра и вчера,
между Сциллой и Харибдой,
сделать вид, что всё игра,
мы, наверное, могли бы.
Да, могли бы. Но зачем?
Толку в этом маловато.
У любви немало тем,
и одна из них – расплата.

Между завтра и вчера
настоящее гнездится.
Жить бы только, но – пора! –
кто-то в дверь уже стучится,
предлагая выйти вон,
оплатить счета – и точка.
Сон как жизнь, а жизнь как сон.
Лишь твоя любовь – отсрочка.

Между завтра и вчера...

Отпусти меня, печаль,
я хочу весёлым быть:
пить с друзьями крепкий чай,
нежных девушек любить.
Наслаждаться пустотой
бытовых житейских драм,
и кричать вослед «постой!»
уходящим поездам.

Отпусти меня, печаль,
чтобы слился я с толпой.
Надоело по ночам
говорить с самим собой,
надоело тихо плыть
в край, где ничего не жаль...
Я хочу беспечным быть.
Отпусти меня, печаль.

Я плыву в высоком небе
на алмазной колеснице.
Надо мной сияет солнце,
подо мной клубится мрак.
Я плыву, и колесницу
тянут радостные птицы,
а во мраке кто-то тёмный
впряг в повозку злых собак.

Наши курсы параллельны,
но пути пересекутся,
мы сойдёмся непременно,
геометрию поправ,
обнажим клинки, от звона
небеса слегка качнутся.
Прав, наверно, был Конфуций,
только б вспомнить, в чём же прав.

В том, быть может, что победы
не бывает в этой драке.
Значит, надо ехать дальше,
не надеясь на успех.
Как и прежде, параллельно
пусть везут меня собаки,
добротой лучась и громко
лая радостно на всех.

А в огромном тёмном небе
кто-то глянет с колесницы
и махнёт рукой печально:
– Ты там, братец, не шути.
Понесут его над миром
три большие злые птицы.
Знать, судьба у нас такая –
параллельные пути.

И наступит последняя ночь,
когда больше не в силах лежать.
Пустота меня выгонит прочь
и куда-то заставит бежать,
и молитвы шептать на бегу,
и смеяться над странной судьбой.

Жить, как прежде, уже не могу,
но не знаю дороги другой.

Мимо тёмных и плоских домов
в тусклом свете ночных фонарей,
мимо денег и вечных садов
вдруг, сорвавшись со всех якорей,
поплыву по зелёным морям,
чтоб сиял надо мной Южный крест,
салютуя всем встречным судам...

А когда это мне надоест,
вдруг наступит последняя ночь,
когда некуда больше спешить
и никто не сумеет помочь,
только дождь за окном будет лить.
Лить, смывая мосты и дома,
заливая леса и поля,
чтобы люди сходили с ума
от того, что придумал здесь я.

И наступит последняя ночь!..

Скажи мне, почему не смотришь ты на небо
и почему твоя печаль не высока?
Ведь что-то может быть важней добычи хлеба,
тебя должны манить куда-то облака!

Скажи мне, почему твой взгляд упёрся в землю
и согнута спина, как будто тяжёлый груз?
Ты только не молчи, любой ответ приемлю,
мне хочется понять, откуда эта грусть.

Ты только посмотри: там ангелы и птицы,
и горный их полёт как будто невесом.
И я тебя прошу: попробуй с небом слиться,
подпрыгнуть и взлететь и раствориться в нём,

а после птицей стать, весёлой и свободной,
и линии судьбы чертить по синеве,
без всякой суеты лететь куда угодно
и верить лишь себе, а не чужой молве.

Скажи мне, сможешь ты подняться над собою,
переступить черту и выйти на простор?
Ведь я-то знаю: так лишь жить на свете стоит,
а остальное всё – никчёмный разговор.

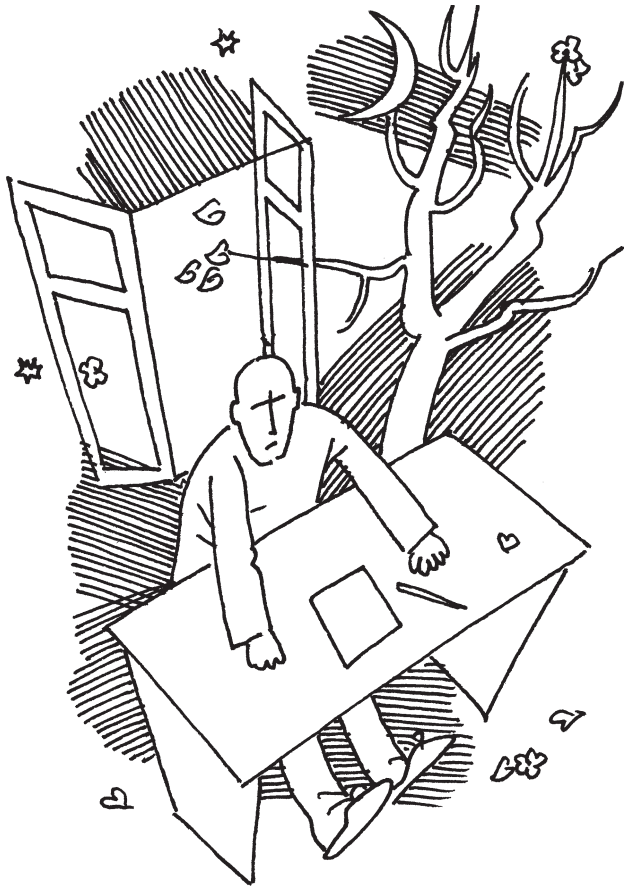
Ты только посмотри: там ангелы и птицы,
и горный их полёт как-будто невесом.
И я тебя прошу: попробуй с небом слиться,
подпрыгнуть и взлететь и раствориться в нём.

На пустынном перекрёстке,
где не может быть двух мнений,
где не сходятся надежды,
потому что кончен бал,
я стою, забытый всеми,
и дышу тоской весенней,
и не в силах надышаться –
просто за зиму устал.

Я могу пойти налево
и могу пойти направо,
а ещё, конечно, прямо –
не идти же мне назад,
но стою оцепенело,
в голове моей отравы:
там шальные бродят мысли,
ну а в них весенний яд.

О, мой Бог, скажи, как долго
мне на этом перекрёстке
дождаться разъяснения
всем сомнениям моим?
Может, я уже всё знаю
и пора бросать подмости?
Ну а может, остановка,
чтобы сделать новый грим?

На пустынном перекрёстке,
где не может быть двух мнений,
где не сходятся надежды,
потому что кончен бал,
я стою, забытый всеми,
и дышу тоской весенней,
и не в силах надышаться –
просто за зиму устал.

Окончен день. Давно истлел закат.
Подведены итоги всем делам.
Одни успел. Другим уже не рад.
Пора ложиться, судя по часам.

А, впрочем, нет – ещё один момент,
составлю план того, как завтра жить.
Устрою небольшой эксперимент,
попробую ни пункта не забыть:

смеяться над изменчивой судьбой,
не попадать в тиски житейских драм
и не давать командовать собой
ни чувствам,

ни вину,

ни дуракам.

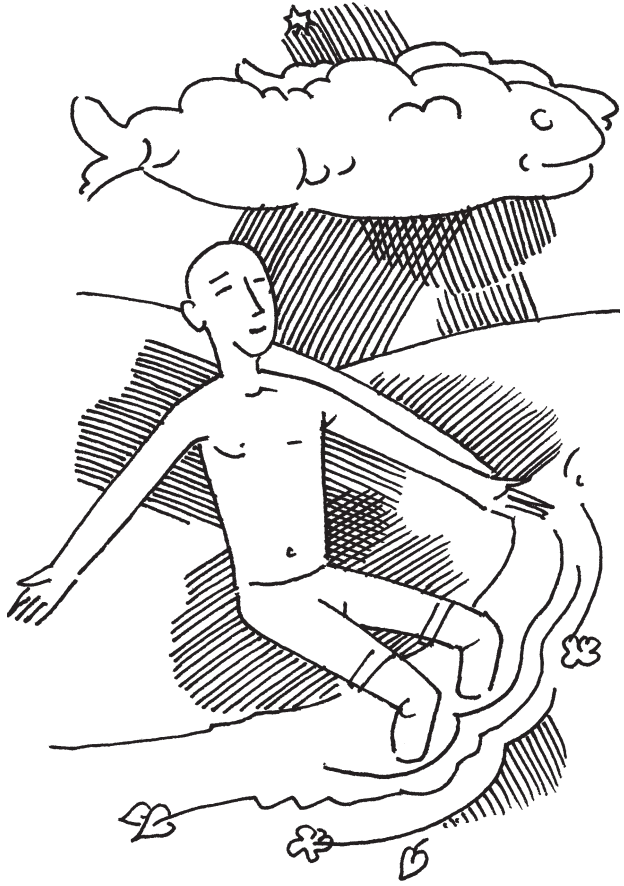
Ого!

Коснуться вечности рукой
и дальше по делам:
конфликтовать с самим собой,
пинать вчерашний хлам,
смотреть никчёмное кино,
где каждый кадр – ложь,
и понимать, что все равно
судьбу не проведёшь.

Она – злодейка и ханжа,
её не избежать
и с ней на острие ножа
придётся танцевать,
и, точно зная, что сорвусь,
лицом заруюсь в прах,
я вновь зачем-то поднимусь
на вечный риск и страх.

И дальше буду колесить,
меняя города,
и воду в решете носить
у чёрта на рогах,
смеяться громко над собой,
жить на виду у всех
и снова флиртовать с судьбой
в надежде на успех.

И так всю жизнь, за годом год,
куда-то наугад,
среди волнений и забот,
с рассвета на закат,
борясь с собою и судьбой,
у времени в долгу...
Коснуться б вечности рукой
однажды на бегу!

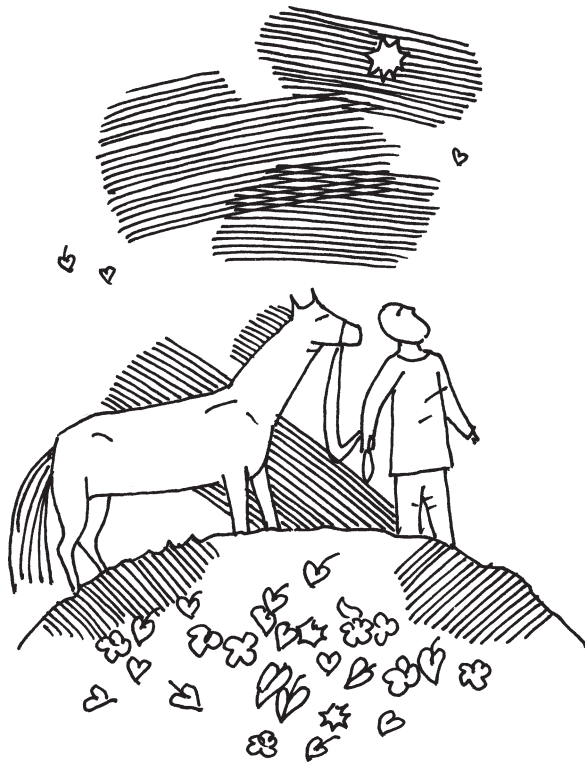

Ноги опустив в серебро реки,
я сижу, встречаю лето,
и чего-то ждут рядом рыбаки,
но до них мне дела нету.
Просто на душе чисто и светло –
больше ничего не надо.
Водами реки тяжесть унесло,
и душа, конечно, рада.
Рада, что река в зеркале небес
серебро своё качает
и, забыв про всё, птичьей трелью лес
лето, как и я, встречает.

Молча посижу, помолчит река –
серебро в молчанье этом.
Рыбами плывут в небе облака,
рыбаки им шлют приветы,
замерев, сидят тихо у воды
в грёзах о больших уловах
и до первой так просидят звезды,
но, уйдя, вернуться снова.
Просто на душе чисто и светло
у реки в начале лета...
Как же хорошо, что оно пришло
на волнах тепла и света!

...И вот тебе я говорю:
не бойся, всё изменится –
опять на смену январю
июнь листвою вспенится,
и ты забудешь про мороз
и про заносы снежные,
и невзначай моих волос
рукой коснёшься нежною.
А я забуду как метель
порой ночью бесится,
и смастерю себе свирель
из хрупкой дольки месяца.

Завершив все дела, уйду.
Промолчит вслед оркестров медь.
Будет конь идти в поводу,
будет в небе звезда гореть.
На траве неприметный след
зарастёт через полчаса.
...Вроде шёл я, а вроде нет
по дороге на небеса.

Шёл, конечно, иначе как
и зачем в этом мире жить?
Может, видел не каждый знак
и терял временами нить,
был в разладе с самим собой,
отвлекался на чудеса...
Но всё так же я шёл домой
по дороге на небеса.

Дышит в спину мне верный конь,
завершается наш поход,
а звезда рядом – только тронь:
упадёт, словно спелый плод.
Льётся в душу нездешний свет,
посмотрел, а вокруг – краса!
...Ни о чём сожалений нет
по дороге на небеса.

Живу в предошущеньи перемен.
Какая блажь!.. Но кажется порой,
что истончилась ткань незримых стен
и новый день уже не за горой.

Не тот, который из календаря
с его обычной нервной суетой,
а тот, в котором ранняя заря
вдруг станет самой первой зарёй.

И птичий гомон в кружеве листвы
вдруг обозначит радостную весть,
что глупые романтики правы –
есть в жизни счастье, и любовь в ней есть!

И отойдёт на самый задний план
всё, что мешало и тянуло вниз...
С горячим чаем пригублю стакан
и пододвину ближе чистый лист.

Пусть всё начнется, словно в первый раз:
весёлый ветер, музыка дождей,
восторг открытий, блеск любимых глаз,
прозрачность льда и золото полей...

И долгим будет этот список мой,
в котором нет ни горя, ни измен...
Мой новый день уже не за горой.
Живу в предошущеньи перемен.

Содержание

«Душа моя спала...»	5
«Это жизни моей фрагмент...»	7
«Прими меня как дар весенний...»	9
«К нам вчера ворвалась зима...»	10
«Я сюда никогда не вернусь...»	13
«Зима настигнет, как нирвана...»	15
«Я в ночь войду...»	17
«Смотрите: там ангел играет в футбол...»	19
«А когда наступит лето...»	21
«Однажды усну на рассвете...»	22
«Когда прольются все дожди...»	24
«Через двадцать восемь дней...»	26
«Когда ты ушла...»	29
«Между завтра и вчера...»	30
«Отпусти меня, печаль...»	33
«Я плыву в высоком небе...»	34
«И наступит последняя ночь...»	37
«Скажи мне, почему не смотришь ты на небо...»	39
«На пустынном перекрёстке...»	40
«Окончен день...»	43
«Коснуться вечности рукой...»	44
«Ноги опустив в серебро реки...»	47
«...И вот тебе я говорю...»	49
«Завершив все дела, уйду...»	51
«Живу в предошущеньи перемен...»	53

**Книжная серия «Городская библиотека»
Выпуск № 17**

Литературно-художественное издание

КАРПОВ

Александр Александрович

По дороге на небеса

Стихотворения и графика

Редактор-составитель – В. Е. Тихонов.
Выпускающий редактор – А. В. Власов.
Набор и корректура – О. В. Тихонова.

Сдано в печать – 12. 03. 08

Формат –

Объём – усл. печ. л.

Бумага – офсетная.

Тираж – 500 экз.

Заказ – №

Типография

г. Барнаул, ул.

Тел. (3852)